

Исследовательская рефлексия

DOI: 10.19181/inter.2024.16.2.4
EDN: NGDUFQ

Исследование бездомности: методология, эмоциональная вовлеченность и место исследователя в сенситивных полях

Ссылка для цитирования:

Кузинер Е. Н. Исследование бездомности: методология, эмоциональная вовлеченность и место исследователя в сенситивных полях // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16. № 2. С. 69–88. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.2.4> EDN: NGDUFQ

For citation:

Kuziner E. N. (2024) Homelessness: Methodology, Emotional Involvement and the Researcher's Role in Sensitive Field. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 16. No. 2. P. 69–88. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.2.4>

Кузинер Евгения Николаевна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: ekuziner@hse.ru

В фокусе статьи — исследовательская рефлексия работы социолога в уязвимом сенситивном поле на примере бездомности, а также анализ методологических аспектов изучения этого феномена. Автор обращает внимание на важность обсуждения вызовов и дилемм, с которыми сталкиваются социальные исследователи во время сбора эмпирических данных, а также языка, который используют практики при проведении интервью и презентации результатов для того, чтобы избежать экзотизации и дополнительной проблематизации групп, находящихся в уязвимой позиции. В статье затрагиваются вопросы места и роли исследователя в таких полях: выбор наиболее приемлемой методологии, степень эмоциональной вовлеченности, выстраивание границ с респондентом. Эмпирической базой работы стали данные авторского исследования, проводившегося в течение нескольких лет в соответствии с качественной парадигмой (N = 60).

Ключевые слова: качественные методы; уязвимые группы; бездомность; интервью

Введение

Вопросы методологии исследования в таком сложном поле, как изучение бездомности, редко попадают в фокус внимания авторов в качестве отдельной темы. При этом многие признают важность академического обсуждения логики выбора методов, рефлексии по поводу этической стороны изучения уязвимых сообществ, специфики эмоциональной работы в сенситивных полях [Омельченко, 2020; Hordyk, 2013; Menih, 2013; Казакова, 2010]. Авторы пишут о влиянии объекта исследования и выбранной методологии на исследовательский процесс и его результаты, а в дальнейшем — на интерпретации данных и их применение в области социальной политики помощи уязвимым группам [Hoolachan, 2015]. Анализ практико-ориентированной литературы по этой теме демонстрирует, что сотрудники НКО и социальных служб чаще используют данные, полученные с помощью количественной методологии (статистика, социально-демографические характеристики бездомных, отношение к бездомности и т.д.). Это можно объяснить тем, что практикам важно привлечь внимание к проблеме (показать количество бездомных, негативное отношение к ним). Истории людей с опытом бездомности также собираются, но, как правило, используются преимущественно для маркетинговых целей (попытка изменить существующие стереотипы, привлечение внимания к проблеме, поиск доноров). Социологический анализ в этом случае отсутствует. В академических исследованиях бездомности используются количественная [Цацура, Ключева, 2022; Pixley et al., 2020], качественная [Schmidt et al., 2015; Stephenson, 2006] и смешанная методологии [Rea, 2023; Heaslip et al., 2021; Коваленко, Строкова, 2013]. Большинство работ, как правило, начинается с обсуждения, кто понимается под «бездомными» (что будет рассмотрено и в этой статье). При этом дискуссия о методологии проведения исследования (особенно в российском научном поле) чаще всего остается вне сферы внимания.

В фокусе данной статьи — анализ методологических аспектов бездомности, рефлексия на темы, связанные с позицией исследователя в поле, с влиянием его гендерного и социального статуса, а также с этической стороной при изучении бездомности. В основе работы — исследование, проведенное автором в рамках кандидатской диссертации и посвященное гендерным аспектам бездомности. Оно проводилось в течение шести лет (2018–2022) в Санкт-Петербурге. Было взято 60 глубинных интервью с мужчинами и женщинами с опытом бездомности.

Контекст исследования и определение бездомности

Перед тем как приступить к дискуссии о методологических особенностях и вызовах, необходимо описать социальный контекст бездомности и дать ей определение. В научных и социальных дискуссиях нет общего консенсуса о том, как определяется бездомность. Однако именно от того, как мы определяем и концептуализируем этот феномен, зависит и то, кого и как мы

изучаем. В российском государственном дискурсе бездомность определяется как отсутствие регистрации и физическое отсутствие жилья¹. Сотрудники некоммерческих организаций при определении бездомности чаще всего опираются на «Европейскую типологию бездомности и жилищной маргинализации» (ETHOS), разработанную Европейской федерацией национальных организаций, работающих с бездомными (FEANTSA)². Эта типология трактует бездомность с точки зрения социального положения человека и наличия / отсутствия у него места, пригодного для проживания (не считая государственные и некоммерческие приюты). В ней выделяется четыре жизненных ситуации: уличная бездомность, проживание в приютах, проживание в небезопасных социальных условиях (включая домашнее насилие), проживание в неподходящем жилье (заброшенные здания, самодельные палатки и т.д.). Данная классификация рассматривает бездомных как гетерогенную социальную группу и позволяет охватить разные жизненные ситуации.

При изучении бездомности используются разные концепции. Бездомность может рассматриваться как социальный процесс [Watson, 2011; Платонова, 2009], как социальное положение (социальное дно и маргинализованная социальная группа) [Виноградова, 2021; Melnitzer, 2007; Осинский и др., 2003], а также как требующая обязательного решения социальная проблема [Зиннуров, 2023; Уфимцева, 2017; Коваленко, Строкова, 2013]. Последняя концептуализация бездомности особенно характерна для российских исследований.

В России данные о количестве бездомных, предоставляемые официальной статистикой, значительно отличаются от экспертных оценок (что как раз является следствием отсутствия единой методологии подсчета и консенсуса по определению бездомности). Так, согласно последней переписи населения, в России на 2020 год насчитывалось 11 285 бездомных, из них — 32 человека в Санкт-Петербурге³. Благотворительная организация «Ночлежка» приводит данные о примерно двух миллионах бездомных в России и около 60 000 человек, находящихся в ситуации бездомности, в Санкт-Петербурге⁴.

В своем исследовании я концептуализирую бездомность как динамический социальный процесс, который связан с отсутствием стабильного и безопасного жилья и вызван отсутствием или утратой ресурсов (материальных, социальных, экономических, культурных). Подобное понимание бездомности позволяет включать в поле зрения такие группы, как скрытые бездомные (живущие у знакомых или на месте работы). Этим объясняется и выбор качественной методологии исследования: именно посредством интервью и этнографических

¹ Закон Санкт-Петербурга «О социальном обслуживании населения в Санкт-Петербурге». 2019. URL: https://www.gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2019/11/27/32/zakon_SPb_717135_red_04.07.2019_dei_01.10.2019.pdf (дата обращения: 15.03.2024).

² ETHOS — European Typology on Homelessness and Housing Exclusion // FEANTSA. URL: <https://www.feantsa.org/en/toolkit/2005/04/01/ethos-typology-on-homelessness-and-housing-exclusion> (дата обращения: 10.03.2024).

³ Данные переписи населения 2021 // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom11_tab2_VPN-2020.xlsx (дата обращение: 05.03.2024).

⁴ Результаты работы «Оценка числа бездомных на основании данных об их смертности» // ValiData. Market Research Public Opinion Studies. URL: https://homeless.ru/upload/iblock/a63/ltogi_raboty_po_modeli_HELP_VALIDATA.pdf (дата обращения 15.03.2024).

наблюдений можно лучше описать и понять опыт жизни бездомных и способы совладания с этой ситуацией.

В российском поле наблюдается практически полное отсутствие исследований, посвященных разным группам бездомных (пожилым бездомным, молодым бездомным, бездомным семьям, бездомным женщинам и т.д.). Однако у разных групп могут быть свои специфические пути попадания в статус бездомности, способы адаптации к нему и особые потребности. Именно понимание гетерогенности бездомных стало отправной точкой исследования гендерных аспектов бездомности [Кузинер, 2020]. Бездомные женщины как объект исследования для магистерской диссертации, а затем и для кандидатской были выбраны как одна из уязвимых и «невидимых» групп. Как и в отношении общего количества бездомных, в России отсутствует статистика по количеству бездомных женщин⁵ (данные общественных организаций и социальных исследований приводят пропорцию в 70–80% бездомных мужчин и 20–30% бездомных женщин)⁶. Однако женский опыт бездомности отличается от мужского (как и опыт других групп бездомных). Женщины оказываются наиболее стигматизированной подгруппой внутри этой стигматизированной группы (здесь добавляется и самостигматизация) [Bretherton, 2020]. В ситуации бездомности они подвергаются большей опасности [Rea, 2023]. На момент начала исследования (2018 год) в России также практически не было гендерно чувствительных сервисов (например, женских приютов).

Малая представленность женщин среди «видимой» группы бездомных (посетители социальных сервисов, жители приютов), отсутствие исследований, посвященных женской бездомности в России, — одна из причин начала данного исследовательского проекта. На момент начала исследования (2018 год, Санкт-Петербург) в Петербурге была достаточно развита социальная помощь бездомным людям: здесь существовала старейшая организация помощи бездомным людям «Ночлежка», а в 2023 году открылась первая в России медицинская клиника для бездомных. При этом город, по статистике НКО, занимает второе после Москвы место по количеству бездомных людей. На момент начала исследования в городе практически не было гендерно чувствительных сервисов для бездомных.

С полем бездомности я была знакома, так как работала волонтером в различных благотворительных организациях. При выборе темы я руководствовалась личным интересом, природным любопытством, а также сложностью поля. Гендерный фокус возник во время первичного анализа существующих исследований на тему бездомности и моего личного интереса.

⁵ Почему бездомность для женщины — больше, чем просто отсутствие крыши над головой? // Нужна помощь. 2023. URL: <https://nuzhnapomosh.ru/media/post/pochemu-bezdomnost-dlya-zhenshhiny-bolshe-chem-prosto-otsutstvie-kryshi-nad-golovoj/> (дата обращения: 01.03.2024).

⁶ Социологический портрет бездомного (по данным межрегионального исследования «Правовые и социальные аспекты проблемы бездомности», 2006 год) // Бездомность в современной России: проблемы и пути их решения. Вестник межрегиональной сети «За преодоление социальной исключенности». Вып. 1 / Сост. А. Варсопки, Е. Ринн. СПб. 2008. URL: https://urbaneconomics.ru/sites/default/files/3017_import.pdf (дата обращения: 01.03.2024)

Как исследователю мне было интересно понять, как женщины, оказавшиеся на грани или в ситуации бездомности, справляются с ней, как адаптируются, какие у них жизненные траектории, что они испытывают, оказавшись в такой ситуации. Изначально я брала глубинные интервью с женщинами, проживающими в приютах при НКО, однако со временем фокус моего исследования расширился. Я познакомилась с другими исследователями. Мы стали ходить в заброшенные дома, палаточные лагеря, чтобы изучать разнообразный опыт бездомности и не ограничивать себя исследованием одной жилищной ситуации. Для своей кандидатской диссертации я решила провести исследование в целом гендерной специфики бездомности, для чего начала брать интервью и у бездомных мужчин.

Теоретической основой исследования стала теория социального капитала П. Бурдье, а также развивающие ее концепции женского капитала и физического женского капитала [Watson, 2016]. В своей работе я изучаю, как конструируется маскулинный и феминный капитал в биографиях людей с опытом бездомности, как он используется для совладания с этой жизненной ситуацией. Также работа опирается на методологию гендерного анализа. Бездомность рассматривается как социальное состояние, наступившее в результате отсутствия необходимых ресурсов. При этом в состоянии бездомности мужчины и женщины как социальные агенты вырабатывают свои стратегии совладания с ситуацией бездомности.

Исследование бездомности: обзор методологической дискуссии

Социологические работы в области бездомности можно представить в виде нескольких групп: исследования, посвященные статистическим данным (количество и учет бездомных, проблемы подсчета и диагностики, выбор наиболее верной методологии) [Tsai, Alarcón, 2022; Талынев, Хвоин, 2018; Прохоров и др., 2017; Schneider et al., 2016]; исследования отношения к бездомности [Глушко, 2022]; исследования опыта бездомных [Stephenson, 2017; Højdestrand, 2011].

Качественные методы (биографические интервью, этнография) признаются исследователями бездомности как самый адекватный способ изучения уязвимых групп [Hoolachan, 2016], позволяющий предоставить право голоса людям, попавшим в столь уязвимое положение [Watson, 2023; Higgitt et al., 2003]. В последнее время среди зарубежных исследователей все более популярными становятся партисипаторные активистские методы и техники, основанные на творческих практиках. Например, такие как совместные с участниками исследования театральные постановки, базирующиеся на их жизненных историях, и дальнейший совместный анализ нарративов [Ansloos, Wager, 2019], совместное создание из текстов интервью поэтических текстов [Hordyk et al., 2014], фотовыставки и представление данных материалов широкой публике. Данные техники используются для усиления роли самих

изучаемых в проведении исследования, а результат работ заключается не только в научном вкладе в существующую дискуссию, но и в социальных действиях отдельных структур, способных повлиять на положение информантов.

Гендерные исследователи подчеркивают важность партисипаторных и арт-исследований, что дает возможность снять стигму с изучаемой группы, выровнять позицию исследователя и со-участников (информантов), дает им право на анализ своего опыта. Социологам это позволяет выйти за рамки классических академических работ и получить новые импульсы для научной рефлексии [Clover, 2011]. Однако партисипаторные исследования имеют и свои ограничения: члены данной группы, принимающие участие и в сборе данных, и в их анализе, не всегда обладают необходимыми компетенциями, что может влиять на качество исследования. «Со-участвующий» подход может также помешать сохранять объективность при анализе данных, а полученные результаты чаще всего могут быть отнесены к конкретному кейсу без возможности экстраполировать полученные знания на другие группы.

Российские исследователи бездомности чаще подходят к этой теме как к социальной проблеме, а цель исследования видят в том, чтобы понять, как можно ресоциализировать бездомных, «вернуть» их к «домашней» жизни [Метелева, Богданова, 2022; Низиньковская, 2020; Коваленко, Строкова, 2013].

Качественная методология, включая этнографию, пусть и нечасто, но все же используется в исследованиях бездомных в России. Шведская исследовательница Това Хольденстранд занималась этим вопросом в Санкт-Петербурге. В опубликованной по результатам книге она отмечала, что наблюдения, интервью, мини-беседы позволили ей достаточно глубоко изучить феномен бездомности, проанализировать его и «вписать» в социально-политический контекст России в конце 1990-х. Интересно, что автор-антрополог чаще всего использовала метод мини-бесед с одними и теми же информантами на протяжении своего исследования. Это позволило не только уточнять по ходу работы какие-то факты, но и «следовать» за своими информантами, наблюдать за их жизненными траекториями [Hojdenstrand, 2013]. Светлана Стивенсон, изучая бездомность в Москве, использовала наблюдения и глубинные интервью, чтобы понять пути попадания в ситуацию бездомности, стратегии адаптации к уличным условиям, а также барьеры выхода из бездомности. Она обращалась и к методу незаконченных предложений, просила ответить на вопрос «Кто я?», что позволяло не только дать информантам повод для глубокой рефлексии, но и суммировать предыдущий нарратив [Stephenson, 2006].

Исследования помогающих организаций чаще всего направлены на выявление масштаба проблемы и отношения к ней других людей⁷. Это объясняется практико-ориентированностью данных организаций, желанием не просто исследовать феномен, но привлечь к нему внимание широкой общественности, что, в свою очередь, может повлиять на государственные меры поддержки и пожертвования.

⁷ Данные исследований // «Ночлежки». URL: https://moscow.homeless.ru/who_is/ (дата обращения: 15.03.2024).

Если судить по собственному опыту автора, качественная методология как эффективный метод исследования бездомности воспринимается практиками слабо: по их мнению, результаты такого исследования не имеют той доказательной базы, которую предоставляет статистика. Однако если рассматривать опыт бездомности комплексно, то одних подсчетов и перечня основных причин попадания в эту ситуацию явно будет недостаточно для понимания жизненного опыта людей, что затруднит оказание реальной помощи. Кроме того, теряется агентность и «голос» исследуемой группы, не учитывается разный опыт бездомности (например, бездомные женщины намного реже, чем мужчины, находятся в ситуации уличной бездомности), а также тот факт, что люди с опытом бездомности могут не хотеть быть «ресоциализированными». Опыт последних также имеет право быть учтенным, а его изучение может дать информацию практикам в области помощи бездомным о том, в каких помогающих сервисах нуждаются люди, не желающие или не готовые жить в приютах.

Методология исследования

В основе данной статьи лежат результаты кандидатской диссертации, посвященной гендерному анализу причин бездомности и стратегий совладания с ней. Эмпирические данные получены в ходе полевого исследования, проведенного с 2018 по 2021 год в Санкт-Петербурге по стратегии качественной методологии. Именно качественные методы позволили ответить на главные вопросы исследования: как мужчины и женщины попадают в ситуацию бездомности, как с ней справляются и какие существуют гендерные особенности этого явления.

Методология включает:

1. Глубинные интервью с людьми, имеющими опыт бездомности. Рекрутинг проходил через общественные организации, коллег и информантов. Рекрутинговая стратегия предполагала охватить людей с разными жилищными ситуациями и разным стажем бездомности. По мере развития исследования, уточнения и расширения исследовательского вопроса для отбора дополнительных случаев была использована теоретическая выборка. Всего в выборку вошли люди с различным опытом бездомности: проживающие как в приютах, так и в заброшенных зданиях. В ходе исследования всего было собрано 60 интервью с мужчинами и женщинами, на момент сбора данных проживавшими в Санкт-Петербурге. Все интервью проводились очно, места варьировались от приютов до кафе и парков. Гайд включал в себя тематические блоки и вопросы, что позволило реконструировать жизненный путь информантов, включающий опыт бездомности. В ходе интервью я расспрашивала участников об их жизни: основные социально-демографические характеристики, семья, детство, образование, карьера, опыт отношений, «жилищная» история и опыт бездомности, текущая официальная жилищная ситуация (есть ли регистрация, жилье в собственности и т.д.). Я интересовалась

- у информантов, как они справляются с ситуацией бездомности, как самоидентифицируют себя (считает ли человек себя бездомным, почему) и как определяют понятие «дом». На первом этапе исследования интервью были полуструктурированными, в дальнейшем добавились элементы нарративного интервью.
2. Наблюдения за работой сервисов для бездомных во время моего волонтерства в проектах «Ночной автобус», «Благотворительная больница», в приюте «Покровской общины», что предполагало посещение мест проживания информантов (приюты, заброшенные дома, самодельные конструкции). За 2018–2021 годы было проведено более 100 наблюдений продолжительностью от часа до четырех часов в среднем. Метод наблюдения позволил получить дополнительную информацию, связанную с организацией быта информантов, их коммуникацией с другими.
 3. Дополнительно было решено взять экспертные интервью с сотрудниками НКО, работающими с бездомными. Всего было проведено десять интервью.

Возраст участников составил от 31 до 72 лет. Большинство из них сталкивались с различными формами бездомности (уличная бездомность, ночевки в подвалах домов или заброшенных зданиях, проживание у друзей или партнеров, проживание в приютах). 45 участников переехали в Санкт-Петербург из других регионов, в том числе десять человек имели другое гражданство. У трех человек были советские паспорта.

В фокусе данной статьи методологические вызовы, с которыми сталкиваются исследователи труднодоступных и уязвимых групп [Венкатеш, 2018], позиция исследователя и стратегии взаимодействия с информантами. Подробные результаты исследования опыта бездомных женщин и сравнения их опыта с мужским изложены в другой статье автора [Кузинер, 2020].

Выход в поле: выбор исследовательской позиции и стратегии поведения

Вопрос о выборе исследовательской позиции исследователя изначально не рефлексировался автором статьи и возник уже во время проведения первых интервью в связи с появлением коммуникативных барьеров между исследователем и информантами (отказ от интервью, односложные ответы, нежелание рассказывать подробно о своей жизни, снисходительное отношение к исследователю как к «домашнему» человеку и т.д.). Исследовательская роль, стратегии поведения вырабатывались в процессе, менялись в зависимости от обстоятельств.

Возникло несколько вариантов ролей, которые можно было бы использовать в работе: исследователь (общение только во время интервью и наблюдений), исследователь-волонтер (общение во время сбора данных и оказание помощи по запросу), исследователь-друг (добавлялись общение и встречи вне исследования, эмоциональная поддержка).

Основной критерий выбора той или иной модели поведения — желание глубже изучить биографические траектории информантов, их взаимодействия с другими. Без налаживания связи и хотя бы нескольких встреч добиться этого достаточно сложно. В ходе сбора эмпирических данных были апробированы все роли (на выбор которых влияло и желание самих информантов). Роль только исследователя применялась достаточно редко и в основном с мужчинами. Роль исследователя-приятеля была опробована с двумя женщинами, однако ввиду сильной эмоциональной вовлеченности и двоякого отношения информантов («твой опыт отличен от нашего, ты никогда нас не поймешь») было решено отказаться от такой модели поведения в пользу роли исследователя-волонтера. Данный стиль поведения оказался наиболее удачным, помогал, с одной стороны, выстроить границы между исследователем и информантом, а с другой стороны — наладить продолжительный контакт. Модели поведения во время наблюдений зависели от обстановки. Если это были волонтерские проекты, то использовалась роль исследователя-волонтера. В местах проживания информантов чаще всего применялись приятельская (если я уже знала своих информантов) и исследовательская модели (если договаривалась о встрече не я). Смена стратегий поведения помогала подстроиться под разных информантов и маневрировать в разных обстоятельствах. Далее в статье приведено более подробное описание этапов исследования и выбираемых стратегий взаимодействия с участниками исследования.

Только исследователь

На первом этапе рекрутинг осуществлялся через сотрудников помогающих организаций, с которыми у меня был опыт общения в период волонтерства. Обычно я приходила в женские комнаты с сопровождающими сотрудниками, которые спрашивали, хочет ли кто-то дать интервью для исследования. В данном случае у меня была исключительно одна роль — исследовательская. Меня изначально представляли как исследователя, поэтому коммуникация велась сверху вниз. В такой ситуации у меня возникали сомнения относительно добровольности согласия на участие в исследовании, так как жительницы находились в относительно зависимом от НКО положении и могли подумать, что отказ от интервью может повлиять на их дальнейшее проживание. Также были сомнения в насыщенности интервью. Дело в том, что в некоторых НКО достаточно часто берут интервью у жителей приюта для различных целей (например, для PR-целей или для СМИ), и в какой-то момент появилось опасение, что полученные таким образом истории могут оказаться заученными и отрепетированными.

Сначала было принято решение вести общение с позиции «только исследователь». Я обратилась за консультацией к психологам, работающим с бездомными женщинами, чтобы мне подсказали, как правильно общаться с женщинами с опытом бездомности, какие могут возникнуть проблемы в ходе беседы. Консультация помогла отойти от экзотизации исследуемой группы, а также настроиться эмоционально на разговор на сенситивные

темы. Однако исключительно исследовательская позиция ограничивала репертуар моделей поведения, расставляла четкие границы, мешая установить более тесный контакт с информантами. Дальнейший опыт показал, что при исследовании сенситивных тем большую роль играет формат общения между исследователем и информантом. Позиция только исследователя делает существующее неравенство еще более явным и четким, что, возможно, хорошо для разового интервью, но не подходит для дальнейшей коммуникации (многие информанты могли помочь в дальнейшем рекрутинге, чему способствовало бы неформальное взаимодействие с ними). Однако более разнообразный репертуар ролей требует большей эмоциональной вовлеченности и ресурсности от исследователя.

Исследователь-волонтер и исследователь-приятель

По возможности я стала менять локацию для проведения интервью и приглашать информанток побеседовать не на территории приюта. Это помогало, с одной стороны, создать ощущение свободного выбора и отсутствия контроля (некоторые женщины позже, при назначении встречи по телефону, отказывались от участия в исследовании), с другой — перемещало информанток в более неформальную обстановку. В ходе исследования я познакомилась с коллегами, которые тоже изучали бездомность, это позволило не только обмениваться опытом, дискутировать, но и выходить на другие локации — заброшенные здания, в места, где бездомные разбивали палатки.

Интервью с людьми, проживающими вне приюта, отличались от интервью с жителями приютов. Согласно исследованию Сандры Бусериус, представители сенситивных социальных групп чаще всего имеют негативный опыт взаимодействия с людьми другого социального статуса, поэтому погружение в их обстановку, взаимодействие на их территории увеличит шанс получения достоверных, полезных и более глубоких данных [Vucerijs, 2013]. Процент отказа от беседы значительно увеличился, но при этом интервью, как правило, проходили в привычной, «своей» обстановке информанта и в более приватном месте (даже если интервью проводились на улице, то мы могли отойти от остальных и побеседовать наедине). Сомнений в добровольности выбора при этом у меня не было. В данном случае роль только исследователя, как правило, исключалась сама собой: оказываясь на территории информанта, в более комфортной для него обстановке, удавалось выстроить более доверительную беседу.

Смена локации меняла и отношение — беседа в кафе могла перерасти в неформальное общение, ко мне могли относиться как к источнику помощи (волонтеру) или как к источнику поддержки (приятелю). Однако данные роли требуют большей ответственности и эмоциональной работы. Используя данные модели поведения, я совершила несколько исследовательских ошибок.

После одного интервью информантка спросила, могу ли я помочь ей с поиском ее ребенка, которого забрала служба опеки, и она не знает, где он сейчас. Я ответила утвердительно, хотя не была уверена, что могу помочь. Потом она несколько раз звонила мне и спрашивала, узнала ли я что-нибудь, однако у меня не было времени и не было понимания, как ей помочь. Иногда в погоне

за интервью, особенно если исследовательское поле труднодоступное, мы можем что-то пообещать информанту, лишь бы он согласился побеседовать. Я поняла, что обещать что-то можно, только если ты уверен, что можешь помочь, иначе это испортит отношения с информантом, репутацию и просто такое поведение неправильное. Впоследствии я не брала на себя такую ответственность, честно говоря, что я исследователь и не смогу помочь, но могла дать контакты помогающих служб, позвонить куда-нибудь по просьбе информантов.

Приятельская роль заключалась в том, что я оставалась на связи с некоторыми из информантов, обменивалась новостями, периодически встречалась с ними. Для меня было важно проследить дальнейшую траекторию человека, глубже узнать нюансы его биографии, барьеры выхода из ситуации бездомности. Проблематичность данной роли заключается в том, что в ходе исследования может потеряться объективность, а также стереться граница между исследователем и его исследованием. При изучении уязвимых групп также сильно влияние социального неравенства: прогулявшись по парку, ты идешь домой, а твоя приятельница — в лучшем случае в приют. Мне звонили ночью, просили о помощи, ночлеге, теплом душе, просто разговоре. Рефлексируя над этой ролью, сложно сказать, насколько она приемлема и этична.

Работа в поле: стратегии выравнивания статуса и контроль эмоций

Выбрав позиции волонтера и приятеля, я преследовала одну цель — попытаться выровнять позиции исследователя и информанта. Для участников исследования я априори была чужаком, так как не была бездомной и не имела такого опыта. На отношение ко мне также значительно влиял мой возраст (большинство моих информанток были старше меня), что вызывало несколько снисходительное отношение. «Ну что тебе еще рассказать, девочка?» — информантка Т. несколько раз во время интервью возмущалась, что я задаю глупые вопросы. Все это звучало так, словно я рассматриваю ее опыт сверху вниз, как нечто экзотичное.

«Инф.: Девушка, такие вопросы меня добивают, в любом подвале есть электричество, в любом. <...> Да, для вас это дико, объяснить... ну... делаешь горячей, холодной, также я стирала там, не на машинке, а на руках» (ж., 56 лет, стаж бездомности более 8 лет).

С подобными сложностями я пыталась бороться с помощью нескольких стратегий.

Стратегия сближения

Я увеличивала частоту контактов с одними и теми же информантами. После нескольких встреч (в приюте и в других сервисах) я уже становилась знакомой хотя бы визуально. Далее перед интервью я могла во время беседы

рассказать про свой жизненный опыт (неудачи в жизни, развод, проблемы с жильем). Это не уравнивало нас до конца, но «очеловечивало» меня в глазах информантов. В дальнейшем я приняла роль стороннего наблюдателя, «доверенного» аутсайдера [Buceri, 2013] или исследователя-волонтера, который, пусть и не обладает разделяемым опытом, но знает об опыте бездомности через практики помощи бездомным. Здесь также возникло несколько дилемм, связанных с соблюдением личных границ. Некоторые информанты после интервью восприняли это как услугу, в обмен на которую я должна им помочь — найти работу, жилье, помочь с возвращением детей. Звонки могли происходить в любое время суток. Выстроить личные границы было достаточно сложно, потому что во время общения на чувствительные темы исследователь демонстрирует эмпатию и поддержку [Menih, 2023]. В данном случае я была честной, стала четче проговаривать свою роль и цели исследования, подчеркивая, что я в первую очередь исследователь (некоторые воспринимали меня как соцработника или журналиста). Если я могла помочь и это не мешало моей исследовательской работе, то я помогала. В других случаях советовала, куда можно обратиться. Однако погружаться в исследования уязвимых сообществ значит быть вовлеченным. Как показывают другие работы, посвященные бездомным (в частности, женщинам) и другим уязвимым группам, здесь предполагается активная эмоциональная вовлеченность исследователя [Омельченко, 2020]. В силу обстоятельств я стала координатором группы поддержки для бездомных женщин. С одной стороны, это помогло мне в наблюдениях, с другой стороны — очень сильно вовлекло эмоционально, что в дальнейшем привело к выгоранию и усталости от поля.

Стратегия выстраивания границ и/или отдаление

В ходе исследования я сталкивалась с ситуациями, когда нужно было четко обозначить границы. Когда я начала брать интервью у мужчин, то стала получать к себе излишнее внимание. С одной стороны, я вызывала интерес: мужчины хотели со мной пообщаться и соглашались на интервью чаще, чем женщины. С другой стороны, в некоторых случаях интерес мог зайти дальше и проявиться в поглаживании руки при прощальном рукопожатии, звонках с просьбой встретиться вне интервью. Однажды я пыталась договориться об интервью с женщиной, которая жила в самодельном шалаше с группой бездомных. Она была очень неконтактной, общалась со мной через своего мужа, у которого я уже взяла интервью и у которого был мой номер. В один из вечеров мне позвонил этот мужчина, я думала, что мы будем договариваться об интервью с его женой. «Привет, котик», — услышала я в трубке, а на фоне — голос моей неудавшейся информантки с обценной лексикой в мой адрес. Так я поняла, что интервью не состоится. С другой стороны, я смогла отразить этот момент, что иногда я не могу чувствовать себя в безопасности, если становлюсь объектом повышенного внимания со стороны мужчин. Но у меня был дом, были друзья и близкие, которые в любой момент могли бы мне помочь и обеспечить безопасность, чего не было у бездомных женщин.

Эмоциональная вовлеченность исследователя

Исследователи уязвимых сообществ чувствуют свою ответственность за этические аспекты, связанные с обеспечением безопасности и эмоционального комфорта информантов [Menih, 2023]. Если информанты, рассказывая о своем опыте, реагировали эмоционально (например, начинали плакать), я старалась их успокоить, сделать паузу либо предложить поменять тему. Также я всегда была готова предоставить информацию о сервисах психологической помощи. В первую очередь для меня был важен принцип ненасильственности и эмоционального комфорта информантов. Все участники интервью и наблюдений были проинформированы о целях исследования и о том, что будет вестись аудиозапись, им была гарантирована анонимность.

В ходе общения я часто слышала достаточно сенситивные, эмоционально окрашенные истории. Женщины делились пережитым опытом насилия, негативным отношением со стороны социальных институций. Дети, их потеря стали одним из главных нарративов исследования в женских интервью. В одном интервью Н. рассказала мне о выкидыше, который у нее произошел на довольно позднем сроке, другая информантка — о том, как после родов в больнице у нее забрали ребенка.

*«Пришла, это самое, что-то раз, пузо болит по дороге... пошла подмылась, переделась, болит, болит, нажимала, нажимала на живот. Короче, у меня получился, я вот так побоялась, видела только, что маленький дитенок, да, ну мальчик, видимо, с п***кой, он не закричал. Я, это самое, [Имя гражданского мужа], давай скорей мне тогда пакет. Вытряхнула его это самое, ну я... не вызывала скорую, ничего, т.е. все это обошлось, как бы место вышло вот это вот»* (ж., 56 лет, стаж бездомности более 8 лет).

*«Я даже когда рожала, схватки шли, воды отошли, муж вызвал скорую, меня привезли, у меня схватки, эти — *ненормативная лексика*, как начали меня *ненормативная лексика* бить. <...> Кровь-то берут <...> Ты вичовая. Если я была вичовая, у меня муж в больнице сколько лежит, по психушкам. Что-то он чистый. <...> Ребёнок здоровый. Маленькая родилась, но обалденная. Просто (врачам) нужен был ребёнок. Доношенная, но маленькая. У меня сразу её (забрали). Единственное — санитарка подошла, уже родила, меня в палату переложили. Вставай. Что такое? У тебя ребёнка забрали. Вставай, пошли, хоть посмотришь. Сейчас собираю одежду, говорю, ее ворую и ухожу. Нет, так у тебя не получится, у нас охрана на дверях»* (ж., 42, стаж бездомности более 10 лет).

Чтобы не выгореть самой, я постоянно обсуждала исследование и получаемые данные со своими коллегами в Центре молодежных исследований, а также на различных конференциях, в которых принимала участие. Обсуждение помогло улучшить методологию исследования и анализ полученных данных. Эмоционально абстрагироваться от исследовательского поля мне также помогла работа в других исследовательских проектах, не связанных со сферой бездомности.

После сбора эмпирики: анализ, рефлексия, обсуждение

В ходе работы я постоянно возвращалась к получаемым данным, читала транскрипты интервью, дневники наблюдений, чтобы спланировать анализ эмпирики. Данные помогли мне скорректировать объект исследования, в результате были добавлены интервью с мужчинами, чтобы исследовать не только женский опыт бездомности, но для сравнения и мужской. Качественная методология позволила более гибко работать с данными и сенситивными темами. Я дословно транскрибировала интервью, использовала разные техники кодирования (вручную, а также с помощью QDA miner), что позволило с большей рефлексией работать над материалом.

В первые два года я анализировала интервью в логике обоснованной теории (версия А. Страуса и Б. Глейзера) с применением элементов нарративного анализа, что позволило понять, как информанты интерпретируют свое положение, какие стратегии адаптации выбирают, как выстраивают жизненные траектории. Концепция дома, через которую я исследовала женские стратегии адаптации к ситуации бездомности, помогла концептуализировать бездомность как процесс, в результате которого происходят потеря и приобретение дома. В нарративах женщины называли домом семью и людей, в то время как у мужчин дом чаще всего ассоциировался с материальным домом. Концепт «небезопасного дома» в некоторых случаях помог выявить специфические черты женской бездомности и ее основную причину — домашнее насилие. При этом дом рассматривался как важный элемент патриархальной культуры, где женщина занимает позицию хранительницы домашнего очага, а мужчина — главы дома.

В дальнейшем я провела гендерный анализ полученных нарративов, чтобы выявить различия в мужском и женском опыте проживания бездомности. В качестве теоретической рамки была использована теория капиталов, что связалось с избранной методологией (гендерный анализ интервью подразумевает анализ в распределении ресурсов, возможностей, ограничений в зависимости от гендера⁸). Исходя из рассмотрения бездомности как процесса, можно заключить, что человек постоянно находится в поисках / процессе создания дома, и это предусматривает использование ресурсов, уже приобретенных прежде или приобретаемых, видоизменяющихся в процессе жизнедеятельности. Так появилось понятие женского, или «феминного», капитала, который используют женщины, чтобы либо не попасть на улицу, либо справиться с ситуацией бездомности. В свою очередь, мужчины используют мужской капитал.

Важным элементом в исследовании я считаю регулярные обсуждения с коллегами находок в поле, появляющихся трудностей и постоянную рефлекссию относительно правильности своих действий. Такие «супервизии» помогли отрефлексировать собранный материал и его качество, а также эмоционально разгрузиться.

⁸ Гендерный анализ. Принципы и элементы // UNRCCA. URL: https://unrcca.unmissions.org/sites/default/files/unrcca_handout_gender_analysis_2020_rus_0.pdf (дата обращения: 19.03.2024)

Заключение

Методологические вызовы, возникающие при изучении уязвимых групп, таких как бездомные, требуют особого внимания и обсуждения как исследователей, так и практиков в области социальной работы. Бездомные сталкиваются со стигматизацией, часто становятся жертвами насилия (особенно уязвимы женщины), при этом в академической и общественной дискуссиях они рассматриваются в большинстве случаев с точки зрения их ресоциализации и практически не фигурируют как самостоятельные акторы, что лишает эту группу субъектности и «права голоса». Отчасти это связано с отсутствием полноценной дискуссии, посвященной методологии изучения бездомности и тем сложностям, с которыми сталкиваются исследователи-практики. Бездомные остаются экзотической, маргинальной социальной группой, воспринимаемой как крайне сложная для исследований.

В ходе исследования я также столкнулась с определенными методологическими сложностями, которые пыталась преодолевать разными способами. Одна из первоочередных проблем была связана с выбором исследовательской позиции и стратегии поведения, которые напрямую влияют на ход работы. Было определено три роли: роль исследователя, роль исследователя-волонтера и роль исследователя-приятеля. Первая роль четко выстраивала границы, ограничивала репертуар коммуникации с исследуемыми. Исследователь-волонтер и приятель относительно похожи и могут перетекать друг в друга. Выбор роли и стратегии поведения зависел от входа в поле, от гендера информанта (с мужчинами чаще всего была роль только исследователя и иногда волонтера) и его желания коммуницировать. Роли волонтера и приятеля позволяли расположить к себе информантов, настроить их на более-менее продолжительное общение, что помогало в исследовании биографических траекторий. Однако данные позиции обязывали к регулярной помощи, поддержке (финансовой и эмоциональной). Я считаю, что в данных случаях нет универсальной модели, главный принцип — баланс между позициями и постоянная рефлексия.

Другой исследовательской трудностью стало явное неравенство в позициях, особенно при рекрутинге через сотрудников НКО. С одной стороны, четкая расстановка границ помогает избежать проблемных мест (недопониманий, требований помощи). С другой стороны, она может влиять на ход интервью и качество нарратива в худшую сторону (вам либо скажут очень мало, либо то, что вы хотите услышать, но необязательно правду). Данную проблему можно решить с помощью стратегии сближения путем рассказа личной жизненной истории (роль приятеля), однако в случае интервью с мужчинами иногда приходится использовать стратегию отдаления, чтобы обеспечить себе комфорт и безопасность.

Исследуя уязвимую группу, сталкиваешься с достаточно чувствительными темами, справиться с которыми помогают частое обсуждение поля с коллегами и публичные выступления, можно поделиться предварительными результатами. Такие супервизии дают возможность не только справиться

с эмоциональной нагрузкой, но и отрефлексировать эмпирические находки, а также работать над языком обсуждения стигматизированных сообществ.

Благодаря выбору качественной методологии можно услышать голос уязвимой группы, продемонстрировать гетерогенность группы, причины нынешней уязвимой ситуации и пути совладания с ней. «Живой» голос исследуемых позволяет «очеловечить» исследуемую группу, показав, что это обычные люди со своим опытом и потребностями, что, в свою очередь, помогает бороться с негативными стереотипами о бездомных.

В ходе исследования также возникла рефлексия о степени участия исследователя в жизни своих информантов: нужно ли помогать, давать деньги, общаться вне исследования? Данные вопросы остаются дискуссионными и ситуативными. Однако чем шире репертуар ролей исследователя, тем больше возможностей для сбора разнообразных данных.

Благодарность

Хочу сказать искреннее спасибо всем участникам и участницам моего исследования, без которых ничего бы не получилось. Спасибо комьюнити-центру для бездомных женщин, Астрид Невски, Павлу Иноземцеву и другим коллегам за помощь в поле. Огромная благодарность моему научному руководителю Елене Леонидовне Омельченко за веру в меня, эмоциональную поддержку и вдохновение.

Литература/References

Venkatesh S. Главарь банды на день. Изгой-социолог выходит на улицы. М.: РИПОЛ классик, 2018.

Venkatesh S. (2018) *Glavar bandy na den. Izgoj-sociolog vyhodit na ulicy* [Gang Leader for a Day: A Rogue Sociologist Takes to The Streets]. Moscow: RIPOL klassik (In Russ.)

Виноградова Г. В. Концепция бездомности как процесс маргинализации личности: направления и уровни // Социология. 2021. № 3. С. 201–208. EDN: [UKDCGA](#)

Vinogradova G.V. (2021) The Concept of Homelessness as a Process of Personal Marginalization: Directions and Levels. *Sociologiya* [Sociology]. No. 3. P. 201–208. (In Russ.)

Глушко М. В. Отношение современной молодежи к пребыванию бездомных в родном городе // Выход в город. М.: Московский городской педагогический университет, 2022. С. 44–51. EDN: [RPXCAV](#)

Glushko M.V. (2022) Otnoshenie sovremennoj molodezhi k prebyvaniyu bezdomnyh v rodnom gorode [The Attitudes of Modern Youth to the Stay of the Homeless in Their Hometown]. In: *Vygod v gorod* [Entrance to the City]. Moscow: Moskovskij gorodskoj pedagogicheskij universitet. P. 44–51. (In Russ.)

Зиннуров А. А. Актуальность проблемы бездомности для российского общества и пути ее решения // Стратегии развития общества и социальная работа. Р.: Южный федеральный университет, 2023. С. 283–289. EDN: [WSEVEN](#)

Zinnurov A. A. (2023) Aktualnost problemy bezdomnosti dlya rossijskogo obshchestva i puti ee resheniya [The Relevance of the Problem of Homelessness for Russian Society and Ways to Solve It]. In: *Strategii razvitiya obshchestva i socialnaya rabota* [Strategies of Society Development and Social Work]. Rostov-on-Don: Yuzhnyj federalnyj universitet. P. 283–289. (In Russ.)

Казакова А. Ю. Современные городские трущобы: методико-методологические проблемы изучения маргинальных слоев // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2010. № 2. С. 80–90. EDN: [MVPXKD](#)

Kazakova A. U. (2010) Modern Urban Slums: A Methodology and Methodological Problems of Studying the Marginalized Groups. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science]. No. 2. P. 80–90. (In Russ.)

Коваленко Е. А., Строчкова Е. Л. Бездомность: есть ли выход? М.: Фонд «Институт экономики города», 2013.

Kovalenko E. A., Strokovaya E. L. (2013) *Bezdomnost: est li vyhod?* [Homelessness: Is there a Way Out?]. Moscow: Fond "Institut ekonomiki goroda". (In Russ.)

Кузинер Е. Н. «Пойду домой, домой это значит в подвал»: повседневные практики и стратегии выживания бездомных женщин // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 273–298. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1653> EDN: [YXVWCG](#)

Kuziner E. N. (2020) "I Will Go Home, With Home Meaning Basement": Homeless Women's Daily Practices and Coping Strategies. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 4. P. 273–298. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1653>

Метелева Е. Р., Богданова Г. С. Решение проблемы бездомности: модель социальной адаптации и ресоциализации лиц без определенного места жительства в регионе // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. № 1. С. 170–192. DOI: <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2022-0-1-170-192> EDN: [QZPHXI](#)

Metelleva E. R., Bogdanova G. S. (2022) Solving the Homelessness Problem: Model of Social Adaptation and Re-socialization of Homeless People in a Region. *Voprosy gosudarstvennogo i municipalnogo upravleniya* [Public Administration Issues]. No. 1. P. 170–192. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2022-0-1-170-192>

Низиньковская В. В. Пути и методы решения проблемы бездомности в России // Актуальные проблемы современной науки: теория и практика. Н.: Научно-издательский центр «Мир науки», 2020. С. 422–424. EDN: [VVRTMF](#)

Nizinkovskaya V. V. (2020) Puti i metody resheniya problemy bezdomnosti v Rossii [Ways and Methods of Solving the Problem of Homelessness in Russia]. In: *Aktualnye problemy sovremennoj nauki: teoriya i praktika* [Actual Problems of Modern Science: Theory and Practice]. Neftekamsk: Nauchno-izdatelskij centr "Mir nauki". P. 422–424. (In Russ.)

Омельченко Е. Л. «Я ничем вам не помог...»: исследовательская рефлексия вслед неудачно-му интервью // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 1. С. 81–95. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.21.5>

Omelchenko E. L. (2020) "I didn't help you in any way...": Research Reflection After a Failed Interview. *Interakciya. Intervyu. Interpretaciya*. [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 12. No. 1. P. 81–95. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.21.5>

Осинский И. И., Хабеева И. М., Балдаева И. Б. Бездомные-социальное дно общество // Социологические исследования. 2003. № 1. С. 53–58. EDN: [OOMWWF](#)

Osinski I. I., Khabaeva I. M., Baldaeva I. B. (2003) Homeless — Social Bottom of the Society. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1. P. 53–58. (In Russ.)

Платонова Н. М. Бездомность в современной России: причины и следствия // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2009. Т. 11. № 1. С. 56–60.

Platonova N. M. (2009) Homelessness in Modern Russia: Causes and Consequences. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta psihologii i socialnoj raboty* [Scientific Journal of St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work]. Vol. 11. No. 1. P. 56–60. (In Russ.)

Прохоров П. Э., Карманов М. В., Васильева А. В., Егорова Е. А. Методологические основы количественного анализа бездомности // Инновационное развитие российской экономики. М.: Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, 2017. С. 246–250. EDN: YMXLNJ

Prohorov P. E., Karmanov M. V., Vasileva A. V., Egorova E. A. (2017) Metodologicheskie osnovy kolichestvennogo analiza bezdomnosti [Methodological Foundations of Quantitative Analysis of Homelessness]. *Innovacionnoe razvitie rossijskoj ekonomiki* [Innovative Development of the Russian Economy]. Moscow: Rossijskij ekonomicheskij universitet imeni G. V. Plehanova. P. 246–250. (In Russ.)

Талынев В. Е., Хвоин Н. Н. Социальный учет бездомных граждан в Санкт-Петербурге // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2018. № 2. С. 264–276. EDN: YLJCRF

Talynov V. E., Khvoyn N. N. (2018) Social Register Of the Homeless in Saint-Petersburg. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennyye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences]. No. 2. P. 264–276. (In Russ.)

Уфимцева Е. И. Социальные модели преодоления бездомности: российская практика // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2017. Т. 17. № 3. С. 291–297. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2017-17-3-291-297> EDN: ZTNGHT

Ufimceva E. I. (2017) Social Models of Overcoming Homelessness: The Russian Practice. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Sociologiya. Politologiya* [Izvestia of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology]. Vol. 17. No. 3. P. 291–297. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2017-17-3-291-297>

Цацура Е. А., Ключева Н. Ю. Социально-демографические характеристики, условия жизни и потребности людей в ситуации бездомности в Москве // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 409–429. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1949> EDN: HLPHHA

Tsatsura E. A., Klueva N. U. (2022) Socio-Demographic Characteristics, Living Conditions, and Needs of Homeless People in Moscow. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 2. P. 409–429. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1949>

Ansloos J. P., Wager A. C. (2019) Surviving in the Cracks: A Qualitative Study with Indigenous Youth on Homelessness and Applied Community Theatre. *International Journal of Qualitative Studies in Education*. Vol. 33. No. 1. P. 50–65. DOI: <https://doi.org/10.1080/09518398.2019.1678785>

Bretherton J. (2020) Women's Experiences of Homelessness: A Longitudinal Study. *Social Policy and Society*. Vol. 19. No. 2. P. 255–270. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1474746419000423>

Bucerius S. M. (2013) Becoming a "Trusted Outsider": Gender, Ethnicity, and Inequality in Ethnographic Research. *Journal of Contemporary Ethnography*. Vol. 42. No. 6. P. 690–721. DOI: <https://doi.org/10.1177/0891241613497747>

Clover D. (2011) Successes and Challenges of Feminist Arts-based Participatory Methodologies With Homeless/Street-involved Women in Victoria. *Action Research*. Vol. 9. No. 1. P. 12–26. DOI: <https://doi.org/10.1177/1476750310396950>

Heaslip V., Green S., Simkhada B., Dogan H., Richer S. (2021) How Do People Who Are Homeless Find Out about Local Health and Social Care Services: A Mixed Method Study. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 19. No. 1. P. 1–46. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph19010046>

Higgitt N., Wingert S., Ristock J., Brown M., Ballantyne M., Caett S., Coy K., Home O. G. (2003) *Voices From the Margins: Experiences of Street-Involved Youth in Winnipeg*. Winnipeg: Winnipeg Inner City Research Alliance.

Horczyk S. R., Soltane S. B., Hanley J. (2014) Sometimes You Have to Go Under Water to Come Up: A Poetic, Critical Realist Approach to Documenting the Voices of Homeless Immigrant Women. *Qualitative Social Work*. Vol. 13. No. 2. P. 203–220. DOI: <https://doi.org/10.1177/1473325013491448>

Höjdestrand T. (2009) *Needed by Nobody: Homelessness and Humanness in Post-Socialist Russia*. Ithaca: Cornell University Press.

Melnitzer S. B. (2007) Marginalization and the Homeless: A Prescriptive Analysis. *Journal of Social Distress and the Homeless*. Vol. 16. No. 3. P. 193–220. DOI: <https://doi.org/10.1179/sdh.2007.16.3.193>

Menih H. (2023) Challenges and Complexities When Researching Vulnerable Populations and Sensitive Topics: Working with Women Experiencing Violence and Homelessness. In: *Fieldwork Experiences in Criminology and Security Studies: Methods, Ethics, and Emotions*. Cham: Springer International Publishing. P. 119–140.

Schneider M., Brisson D., Burnes D. (2016) Do We Really Know How Many Are Homeless?: An Analysis of the Point-In-Time Homelessness Count. *Families in Society: The Journal of Contemporary Social Services*. Vol. 97. No. 4. P. 321–329. DOI: <https://doi.org/10.1606/1044-3894.2016.97.39>

Tsai J., Alarcón J. (2022) The Annual Homeless Point-in-Time Count: Limitations and Two Different Solutions. *American Journal of Public Health*. Vol. 112. No. 4. P. 633–637. DOI: <https://doi.org/10.2105/AJPH.2021.306640>

Pixley C. L., Henry F. A., DeYoung S. E., Settembrino M. R. (2021) The Role of Homelessness Community Based Organizations During COVID-19. *Journal of Community Psychology*. Vol. 50. No. 4. P. 1–15. DOI: <https://doi.org/10.1002/jcop.22609>

Rea J. (2023) Social Relationships, Stigma and Wellbeing Through Experiences of Homelessness in the United Kingdom. *Journal of Social Issues*. Vol. 79. No. 1. P. 465–493. DOI: <https://doi.org/10.1111/josi.12572>

Schmidt R., Hrenchuk C., Bopp J., Poole N. (2015) Trajectories of Women's Homelessness in Canada's 3 Northern Territories. *International Journal of Circumpolar Health*. Vol. 74. No. 1. P. 1–9. DOI: <https://doi.org/10.3402/ijch.v74.29778>

Stephenson S. (2006) *Crossing the Line: Vagrancy, Homelessness and Social Displacement in Russia*. London: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315258829>

Watson J. (2011) Understanding Survival Sex: Young Women, Homelessness and Intimate Relationships. *Journal of Youth Studies*. Vol. 14. No. 6. P. 639–655. DOI: <https://doi.org/10.1080/13676261.2011.588945>

Watson J. (2023) Homelessness Through a Feminist Lens. In: *The Routledge Handbook of Homelessness*. New York: Routledge. P. 119–129.

Watson, J. (2016) Gender-Based Violence and Young Homeless Women: Femininity, Embodiment and Vicarious Physical Capital. *The Sociological Review*. Vol. 64. No. 2. P. 256–273. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-954X.12365>

Сведения об авторе:

Кузнер Евгения Николаевна — младший научный сотрудник, Центр молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа Экономики», Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** ekuziner@hse.ru. **ПИНЦ Author ID:** 1078252; **ORCID:** 0000-0002-2475-1760; **ResearcherID:** AAF-8160-2019.

Статья поступила в редакцию: 03.04.2024

Принята к публикации: 03.06.2024

БАК:5.4.4

Homelessness: Methodology, Emotional Involvement and the Researcher's Role in Sensitive Field

DOI: 10.19181/inter.2024.16.2.4

Evgenia N. Kuziner HSE University, St. Petersburg, Russia
E-mail: ekuziner@hse.ru

The focus of the article is a research reflection on the sociologist's work in a vulnerable sensory field, using homelessness as an example, as well as an analysis of methodological aspects of studying this phenomenon. The author draws attention to the importance of discussing the challenges and dilemmas faced by social researchers during empirical data collection, as well as the language used by researchers and practitioners in conducting interviews and presenting results, avoiding exoticization and additional problematization of groups in vulnerable positions. The article touches on the place and role of the researcher in such fields, emotional involvement and boundary building, relationships with other experts and the challenges of choosing the most appropriate methodology. The empirical basis of the article is the data of the research conducted by the author in a qualitative paradigm over several years (N= 60).

Keywords: qualitative methods; vulnerable groups; homelessness; interviews

Author Bio:

Evgenia N. Kuziner — Junior Researcher, Centre for Youth Studies, HSE University, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** ekuziner@hse.ru. **RSCI Author ID:** 1078252; **ORCID:** 0000-0002-2475-1760; **ResearcherID:** AAF-8160-2019.

Received: 03.04.2024

Accepted: 03.06.2024